

Йосиф Кац

Соседи



На окраине все дома напоминают рассохшиеся ящики из-под копчушек. Сходство это усиливает запах - по вечерам, в часы ужина, окраины пропитываются духом жареной рыбы. А как же по-иному? Город вырос у самой кромки берега. У самого края готической Европы. На окраине...

* * *

Улица петляла между безликими домами. Иногда они расступались, чтобы пропустить рассохшийся забор. Во дворах неспешно гнили дрова и сараи. Вовсе непримечательная улица.

Однако старожилы - а большинство окраинных улиц населено почти исключительно ими, - знали, что это не так. Два двора были на неприметной улочке особенными. Первый - и не двор вовсе, а уютный пустырь между серыми, линялыми стенами. Даже не отгороженный от тротуара забором или сеткой. Плешивый пригорок. В дальнем углу его высился над низким постаментом тяжелый плитняковый крест. Он стоял здесь давно, очень давно. Никто толком и не помнил, кто, когда и зачем установил его здесь. И кресту было нестерпимо обидно - ведь надпись на тыльной стороне гласила всякому, что на месте двора случилось сражение московитского разбеда с отрядом Черноголовых, а почтенный ратман Бласиус Хохгреве пал в честном бою.

Улица не вспоминала о ратмане. Крест смутно чувствовал, что и прочий город позабыл о нем. Тощие готические буквы становились с каждой весной все тоньше и тоньше, превращаясь в тот неведомый алфавит, который выбивает дождь на серых городских стенах.

Крест был очень старый. И потому мудрый. Он уже не жалел о тающей надписи. Что в ней толку, если язык покойного ратмана давно смолк и на окраине, и в городе? В самом конце улицы поднимались толстые и корявые стволы каштанов. Под их тенью

притаился второй необычный двор. Точнее, странным был не сам дворик, а покосившийся краснобокий домишко в его глубине. С виду заурядный домишко и впрямь был странным. Скорее даже несуразным, чудным.

Большую часть времени он дремал вместе с неспешной улицей. Но даже дремать умудрялся он невпопад! Весной, когда соседи выставляли зимние рамы, красили трухлявые наличники и хлопали дверями, домишко и не думал оживать. Летний день тоже был безразличен дому и двору - ни шелест спущенного мяча, ни разговоры у крыльца - ничто не нарушало его дрему.

Оживал странный дом по осени.

В один из вечеров, когда битые заморозком кленовые листья заваливали всю улочку, когда каштаны начинали стучать по шиферу поленниц, когда воздух начинал леденеть и наполняться запахом железной дороги, домишко просыпался.

В подслеповатых зарешеченных окнах загорался желтоватый свет. И дом начинал жить, но и жизнь его была какой-то несуразной.

Он не жарил рыбу с луком, не вышвыривал ее ошметки дворовым котам, не скандалил на кухне и не хлопал ставнями.

Вместо этого он плакал и причитал. Иногда тише, иногда неистовее. Улица с недоверием вслушивалась в эти осенние звуки, но увы - язык их был не понятнее полустершейся надписи на кресте.

Поэтому, наверное, крест - единственный обитатель улицы - любил осенние вечера. Ему казалось, что домишко под жестяной крышей не плачет - поет.

* * *

Пели разошедшиеся плитуса. Пела труба дымохода. Свистели тонко водопроводные краны. В подвале пищали мыши.

Но крест не догадывался даже, что поют вовсе не они, а люди. Странные люди, собирающиеся в странном доме. Крест хорошо знал некоторых из них - неспешных, медленно бредущих в лучах заката по тихой улочке. Люди эти были определенно хитры. Но хитры так же неумело, как и домишко в конце улицы. Люди эти были обманщики.

Но обманывали они исключительно себя. Так, во всяком случае, думалось кресту. Из года в год, бредя мимо креста к трамвайной остановке, они пытались уверить друг друга, что приземистый дом в тени каштанов - синагога.

Крест был неискушен в тонкостях религии и архитектуры. Он стоял здесь четыре века как простой кнехт, сторожащий окраину города от врагов. Он бы и хотел как-нибудь пристроиться к неспешным теням, чтобы пробраться в загадочный дом с жестяной крышей. Увы, это было невозможно - а вдруг люди не лгут? Каменный крест заявляется в синагогу - позору не оберешься!

* * *

Как-то туманной ночью, поспешившей на смену прозрачному вечеру, крест не вытерпел и решил поговорить со странным домом.

- Извините, любезный сосед, - откашлялся по-стариковски серый крест - неужели это правда?

Краснобокий домишко вначале испугался.

- Что - правда? - сипло спросил он.

- Ну, слухи о том, что вы, сосед, - крест сделал неловкую паузу, - вроде как не простой дом, а моленный...

- Я - синагога! - отрезал чудной домишко с нескрываемой гордостью.

Средневековым крестам не пристало смеяться. Но увидав, что поблизости никого нет, сосед приснул тихим смехом. Нет, домишко явно не в себе. Или он поверил своим обитателям. Честное слово, такое бывает. Уличные мальчишки как-то раз втемяшили в свои льняные головы, мол, под плитняковым крестом похоронены немцы с последней войны. Даже яблочными огрызками в него швырялись. Причем поверили им даже некоторые взрослые. Если бы мальчишки не отыскивали себе новую мишень для метания огрызков, крест бы и сам поверил в их нелепые фантазии.

- Позвольте напомнить вам, сосед, - осторожно начал крест, - синагога, насколько я помню, находится несколько в стороне от нашей окраины. Вас, сосед, еще и в проекте не было. И забора тоже. И каштанов. И вообще, никакой улицы не было. Было поле. До самого города. Вы можете поверить мне, ведь я уже крепко врос в землю к тому времени. Я прекрасно помню, как неподалеку от городских стен поднялись тонкие башенки. Ни дать ни взять две свечи. А вместо фитиля на них были две звезды - золотые, шестиконечные и колючие. Да, я был моложе и разглядел, что здание было в два этажа, не в пример вам, сосед, со сводчатым порталом, окном-розеткой над входом. Мой знакомый ворон даже сообщил, что улицу назвали как-то по-новому. Не то Израильская, не то...

- Ее больше нет, - уверенно произнес краснобокий дом.

- Улицы?! - переспросил крест. Он даже испугался за своего собеседника. Улицы, как известно, просто так не исчезают.

- Синагоги, - выдал дом, - и улицы, впрочем, тоже.

- Куда же она делась, позвольте полюбопытствовать? - язвительно, но при этом и как-то испуганно осведомился крест.

- Унесли, - ответил домишко, - прилетели, понимаете, серые ангелы, бережно вынули синагогу, прямо с фундаментом, из песчаной почвы и забрали с собой.

- Зачем?! - автоматически воскликнул крест.

- Она стала не нужна. В городе, знаете ли, синагога стала никому не нужна.

Мертвые ни в какой синагоге не нуждаются.

- Но вы-то, вы, сосед, сами только что уверяли меня...

- А потом пришли другие, вместо тех, мертвых. Они велели мне сделаться синагогой. Я не стал спорить. Теперь я и есть синагога, уважаемый сосед!

В ответ крест промолчал. "Очень здорово, - подумалось ему - безумная окраина. Люди сходят с ума. Коты. Крысы. Голуби. Теперь вот спятил целый дом. Какие-то ангелы, мертвецы, - явный бред. Почему это все евреи вдруг умерли? Почему пришедшие им вослед выбрали себе в синагоги этот безликий домишко? Почему, наконец, они приходят сюда не каждую неделю, а лишь по осени?"

Чепуха, чушь, явный бред! Если настоящую синагогу и закрывают от креста серые дома-ящички, это вовсе не значит, что синагоги нет".

"Надо бы прояснить это дело у птиц", - подумалось кресту. Но тотчас же он вспомнил, что сейчас уже глубокая ночь и птицы спят себе по чердакам. Решил вздремнуть и старый крест - бесполезный страж окраинной улочки.

Ему приснилось, как в один прекрасный день вновь зазвучала в городе полустертая речь его эпитафии. От этой речи разом рассыпались кособокие дома окраин, и он снова как бы увидел вдали город. Зеленеющие шпили, красные крыши, стены со стройными башнями. А еще он увидел бы две башни, стройные, как свечи, и венчающие их звезды тускло улыбались бы на сером, ватном небосклоне. Впрочем, какое ему, кресту, дело до этих звезд? Но почему-то в этом несбыточном сне он почувствовал странную вину перед ними. Почему? Крест и сам не мог в этом разобраться. Да и кто сумеет понять до конца собственный сон?!

По виадуку заскрежетал первый трамвай, а улица еще спала. Спал и домишко с жестяной крышей.

В покосившемся домишке было полным-полно полок и шкафов. Полки и шкафы были полны книг. Книги были мудрыми, а потому - старыми. С каждой осенью буквы в них становились все более стертыми, а страницы - засаленными. С каждой осенью людей, умеющих прочесть их, становилось все меньше. Время читало старые книги быстрее, чем эпитафию на кресте. Ведь каменные буквы говорили о мертвом, а книжные о живом.

Домишко с жестяной крышей и красными стенами видел свой сон. Как в один осенний вечер вновь явятся длиннолицые ангелы. Те самые, что подобрали некогда камни от разрушенного Храма и разнесли их из далекого Иерусалима по всей Европе. Так они и лежат, эти камни. В фундаментах синагог Праги, Вормса, Рима...

И когда истрепанные страницы книг станут непонятны ни одному городскому жителю - как слова на сером кресте, - ангелы явятся вновь. Они бережно вынут приземистый домишко и заберут его с собой. В тот странный край, где до поры до времени стоят бок о бок сожженные синагоги Карпат, взорванные "темплы" германских земель, роскошные синагоги Испании, обращенные в церкви. Их много, этих ненужных никому боле синагог. Но они терпеливо ждут своего часа. И он наверняка придет.

* * *

Странные сны пролетали над безликими домами окраинной улочки, над ее каштанами, кленами, поленницами, сараями. Над старинным крестом и над краснобоким домишкой с жестяной крышей.

Они и поныне стоят там. На неприметной улочке. На окраине Европы готической. На окраине Европы еврейской...

*Опубликовано в журнале «Радуга»
Фотографии М.Р. 2008*